

Перникова Елена Васильевна

Государственное автономное образовательное учреждение

Мурманской области

среднего профессионального образования

"Мурманский строительный колледж им.Н.Е.Момота"

г.Мурманск

«ХЛЕБ И ВОЙНА».

ДОКУМЕНТАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКАЯ КОМПОЗИЦИЯ

(на экране демонстрируется фото или слайд рецепта; под стук метронома ведущий зачитывает его).

Ведущий 1:

“Суп из ботвы брюквы с мукой:

ботва брюквы – 190 г.;

мука – 3 г.;

лук – 5 г.; соль – 5 г.;

специи – 5 г.;

жиры – 0, 03 г.”

Ведущий 2: Этот рецепт – из книги “Использование в пищу ботвы огородных растений и заготовка ее впрок”. Издана была в 1942 году в Ленинграде. Цена ее была 1 рубль. Когда книга была подписана в печать, блокадный Ленинград доедал хлеб (“мука – 3 гр.”), посеянный еще до войны. Но в эту весну 1942 года пахари, которые сеяли предвоенный хлеб, уже ничего не сеяли, – они ушли на фронт, бились за землю, на которой они раньше жили и

растили зерно. И клали головы пахари на эту землю, черную, плодоносную, не плугами вспаханную, а снарядами.

Чтец 1:

Вместо супа - бурда из столярного клея,

Вместо чая - заварка сосновой хвои.

Это б всё ничего, только руки немеют,

Только ноги становятся вдруг не твои.

Только сердце внезапно сожмётся, как ёжик,

И глухие удары пойдут не попад...

Сердце! Надо стучать, если даже не можешь.

Не смолкай! Ведь на наших сердцах - Ленинград.

Бейся, сердце! Стучи, несмотря на усталость,

Слышишь: город клянётся, что враг не пройдёт!

...Сотый день догорал. Как потом оказалось,

Впереди оставалось ещё восемьсот.

Юрий Воронов

Ведущий 1: Осенью 1941 года немецкое командование поняло, что их блицкриг – план молниеносной войны – провалился, что война приобретает затяжной характер. А чтобы выдержать затяжную войну, надо было кормить своих солдат, поддерживать свою армию. Именно поэтому предусматривалось ограбление населения на занятых фашистами землях. В планы Гитлера входило получение продовольствия с чужих земель. На захваченных им землях, словно чертополох, росла рать немецких жандармов, и все они в меру сил отбирали у крестьян скот, хлеб, птицу, овощи. Но фашистская сила не ограничивалась снабжением армии лишь за счет ограбления населения. Были разорены на занятых территориях нашей страны несколько тысяч колхозов и совхозов,

отобраны, угнаны в Германию 7 млн. лошадей, 17 млн. голов крупного рогатого скота, 20 млн. голов свиней, 27 млн. овец и коз. Фашистская армия отправила в Германию сотни тысяч эшелонов с награбленными грузами.

Ведущий 2: Для фашистской Германии миллионы человеческих жизней ничего не стоили. Но главари понимали, что людские, да и материальные ресурсы Германии ограничены. А потому в Берлине вдруг заговорили о недопустимости “рисковать жизнью немецкого солдата” при взятии Москвы и Ленинграда. Похоронив стратегию “блицкрига”, они увидели спасение в стратегии голода. Последовали многократные истеричные выкрики Гитлера, что блокированный Ленинград “выжрет сам себя и, как спелый плод, сам упадет к нам в руки”.

Обречь на мучительную медленную смерть как можно больше людей, оставшихся в живых, деморализовать, разобщить их, лишить воли к сопротивлению, пробудить животные инстинкты, взять Ленинград голыми руками, а пленных превратить в рабов, готовых за миску баланды на все... Вот что такое фашистская стратегия голода. И фашисты это орудие широко применяли, стремясь сломить волю людей к сопротивлению и укрепить свой тыл.

Чтец 2:

Девчонка руки протянула
И головой - на край стола...
Сначала думали - уснула,
А оказалось - умерла.

Её из школы на носилках
Домой ребята понесли.
В ресницах у подруг слезинки
То исчезали, то росли.

Никто не обронил ни слова.
Лишь хрипло, сквозь метельный сон,
Учитель выдавил, что снова
Заняться - после похорон.

Ведущий 1: 8 сентября 1941 года над городом сомкнулось кольцо блокады длиною в 900 дней и ночей. В кольце блокады Ленинграда оказалось 2 млн. 887 тыс. человек.

В связи с иссякающими запасами муки продолжали снижаться нормы выдачи хлеба. С 20 ноября 1941 года пятый раз сокращается хлебный паек: рабочие стали получать в сутки 250 г. хлеба, а неработающие (служащие, иждивенцы, дети) – по 125 г. хлеба в сутки. Крошечный, почти невесомый ломтик:

Сто двадцать пять блокадных грамм
С огнем и кровью пополам...

Дневник Тани Савичевой

Двенадцатилетняя ленинградка Таня Савичева начала вести свой дневник чуть раньше Анны Франк, жертвы Холокоста. Они были почти ровесницами и писали об одном и том же — об ужасе фашизма. И погибли эти две девочки, не дождавшись Победы: Таня – в июле 1944, Анна – в марте 1945 года. «Дневник Анны Франк» был опубликован после войны и рассказал о своем авторе всему миру. «Дневник Тани Савичевой» не был издан, в нем всего 7 страшных записей о гибели ее большой семьи в блокадном Ленинграде. Эта маленькая записная книжка была предъявлена на Нюрнбергском процессе, в качестве документа, обвиняющего фашизм.

Детская рука, теряющая силы от голода, писала неровно, скупо. Хрупкая душа, пораженная невыносимыми страданиями, была уже не способна на

живые эмоции. Таня просто фиксировала реальные факты своего бытия — трагические «визиты смерти» в родной дом. И когда читаешь это, цепенеешь:

«28 декабря 1941 года. Женя умерла в 12.00 утра 1941 года».

«Бабушка умерла 25 января в 3 часа 1942 г.».

«Лека умер 17 марта в 5 часов утра. 1942 г.».

«Дядя Вася умер 13 апреля в 2 часа ночи. 1942 год».

«Дядя Леша, 10 мая в 4 часа дня. 1942 год».

«Мама – 13 мая в 7 часов 30 минут утра. 1942 г.»

«Савичевы умерли». «Умерли все». «Осталась одна Таня».(пауза)

Ведущий 1: Острый голод давал о себе знать все сильнее, умирали молодые и старые, мужчины, женщины, дети. У людей слабели руки и ноги, немело тело, оцепенение постепенно приближалось к сердцу и наступал конец. Смерть настигала людей везде. На улице человек падал и больше не поднимался. В квартире – ложился спать и засыпал навеки. Нередко жизнь обрывалась у станка.

Чтец 3:

На салазках кокон пряменький

Спеленав, везет

Мать, заплаканная, в валенках,

А метель метет.

Старушонка лезет в очередь,

Охает, крестясь:

“У моей вот тоже дочери

Схоронен вчерась.

Бог прибрал, и слава господу,

Легше им и нам.

Я сама-то скоро с ног спаду

С этих со ста грамм”.

Труден путь, далек до кладбища,
Как с могилой быть?
Довезти сама смогла б еще,
Сможет ли зарыть?

А не сможет – сложат в братскую,
Сложат, как дрова,
В трудовую, ленинградскую,
Закопав едва.
И спешат по снегу валенки, –
Стало уж темнеть.
Схоронить трудней, мой маленький,
Легче умереть.

Наталья Крандиевская-Толстая. Из цикла “На улице”

Ведущий 2: Хоронить было трудно: транспорт не работал. Обледеневшие, покрытые снегом стоят трамваи. Вдоль проспектов причудливыми нитями свисали провода, окутанные инеем. По бесконечно длинным улицам, между сугробами, напрягая последние силы, люди тянули саночки, на которых лежали покойники. Мертвых хоронили без гробов, обернутых простыней или одеялом, а позднее и просто в одежде, в которой человек умер. Нередко, выбившись из сил, люди оставляли мертвого на полпути. Позднее эти трупы подбирали машины и увозили на окраину города, на огромный пустырь рядом со старой Пискаревской дорогой. Так образовалось известное ныне Пискаревское кладбище, где похоронено 470 тыс. ленинградцев.

(Показать фото. Тихо звучит музыка Шостаковича).

Ведущий 1: Только за первую блокадную зиму голод унес в Ленинграде 252 тыс. чел. Потеря близких отражалась острой болью в сердцах живых, однако большая смертность не породила отчаяния и паники в городе.

Ленинградцы умирали, но как? Они оставались героями до последнего вздоха, их смерть призывала живых к настойчивой неукротимой борьбе. От малого до старого все испытывали голод, но они трудились и жили с надеждой на торжество победы. Это чувство поднимало кузнеца, инженера, бухгалтера, ученого на героические дела. Это же чувство руководило артистами, когда они пели, играли, развлекая голодных и усталых людей, хотя у них самих подкашивались ноги и кружилась голова. В антрактах у наиболее ослабевших наступало обморочное состояние, но воля побеждала: они вставали и продолжали играть.

Чтец 4:

Девочка у рояля

Дочери моей, Марианне Дранишниковой

Стрелки непочиненных часов,
Как трамваи, неподвижно стали.
Но спокойно, под набат гудков,
Девочка играет на рояле.

У нее косички за спиной.
На диване в ряд уселись куклы.
Бомба, слышишь? В корпус угловой...
Дрогнул пол... Коптилка вдруг потухла.

Кто-то вскрикнул. Стекла, как песок,
Заскрипели под ногой. Где спички?

Девочка учила свой урок,
В темноте играя по привычке.

Так еще не пел нам Мендельсон,
Как сейчас в тревогу. И весь дом был
Музыкой нежданной потрясен
В грозный час разрыва близкой бомбы.

И наутро, в очередь идя,
Постояла я под тем окошком.
Ты играешь, ты жива, дитя.
Потерпи еще, еще немножко.

Зимовать остался Мендельсон.
Как надежда, музыка бессмертна.
Стали стрелки. Город окружен.
До своих — большие километры.

Хлеб, как пряник, съеден по пути.
Раскладушка в ледяном подвале.
...Но, как прежде, ровно с девяти
Девочка играет на рояле.

Варвара Вольтман - Спасская

Ведущий 2: Дети в осажденном городе... Смотреть на голодающих детей (а их в городе оказалось около 400 тысяч) и чувствовать свою полную беспомощность перед тем, что ничем помочь им не можешь, – нет ничего ужаснее для матерей. Дети ждали хлеба. А где его взять? Матери отдавали все, что могли, что имели, только бы обменять свои вещи на хлебные карточки.

Родители, лишая себя куска хлеба, поддерживали слабые детские силенки, тем самым нанося вред своему здоровью. Чтобы не заморозить детей, женщины с превеликими трудностями доставали дрова, бережно расходуя каждое полено. А если дрова кончались, в ход шла мебель, паркет и даже книги. Из ближайших водоемов таскали ведрами воду, таща их на салазках, стирали в ледяной воде белье и чинили одежду при слабом свете коптилки, скудные продукты распределяли по дням, а в течение дня – по часам.

А. Фадеев. В блокадном кольце. Дети.

В апреле, когда я впервые увидел ленинградских детей, они уже вышли из самого трудного периода жизни, но печать тяжелой зимы еще лежала на их лицах и на их играх. Это сказывалось в том, то многие дети играли в одиночку, и в том, что даже в коллективную игру дети играли молча, с серьезными лицами. Я видел глаза детей, исполненные такой думы и грусти, что эти лица и эти глаза могут сказать больше, чем все рассказы об ужасах голоса.

Застегнуть халат не может – лицо морщит. Нужно передвинуть стул с места на место – и вдруг слезы. Коля, взяв стул в руки, хочет его перенести, но ему мешает Витя, стоящий у стола. Коля двигает стул ему под ноги. Витя начинает плакать. Коля видит его слезы, но они его не трогают, он и сам плачет. Ему было трудно и стул переставить, ему также трудно и говорить.

Дети очень долго не хотели снимать с себя рейтузы, валенки, платки и шапки, хотя в помещении было тепло. Дети украдкой ложились в постель в верхнем платье, в чулках. Трудной было отучить детей от привычки спать под одеялом, закрываясь с головой, в позе спящего котенка. «Так теплее», - говорят дети.

Больно видеть детей за столом. Суп они ели в два приема, вначале бульон, а потом содержимое супа. Кашу или кисель они намазывали на хлеб. Хлеб крошили на микроскопические кусочки и прятали их в спичечные коробки. Хлеб дети могли оставлять как самую лакомую пищу и есть после

третьего блюда. Они наслаждались тем, что кусочек хлеба ели часами, рассматривая этот кусочек, словно какую-нибудь диковинку. Никакие убеждения, никакие обещания не влияли на детей до тех пор, пока они не окрепли...

Чтец 5:

Майя Борисова. Ленинграду.

Да, он мне снится, этот город и видимо не раз, не два
Доказывать я буду в спорах, что он красивей, чем Москва!

И в стороне сибирской дальней, мне помнится родимый дом
И то, что факелы Ростральных.... А впрочем нет, я о другом.
Я вижу городок на Волге в полукольце плешивых гор
В тот очень тяжкий, очень долгий 42-ой военный год.
Линялые шатрами крыши, стада бредущие в пыли
Сюда блокадных ребятишек из Ленинграда привезли.
Ведь больше года голодали, им дали мяса, масло дали.
Они ж, шатаясь как в бреду за завтраком недоедали,
В обед опять недоедали, за ужином недоедали, на завтра прятали еду.
Они не оставляли крошек, тихи, глазасты и худы,
Они рассматривали кошек лишь как запас живой еды.
И падали при каждом шаге. И молча плакали в тиши.
Но кто-то детям дал бумагу и заточил карандаши.
И вот на четвертушках мятых, стал робко возникать на свет
Не точный, памятный, крылатый, неповторимый силуэт -
Бессмертный шпиль Адмиралтейства, его нагую простоту
Чертило раненое детство, мусоля грифели во рту....

Да, он мне снится этот город и видимо не раз, не два
Доказывать я буду в спорах, что он красивей, чем Москва!
И вновь и вновь при трудном шаге я вспомню это,
Тишь палат, детей, и на листках бумаги, рисунок,
Точно текст присяги, тебе на верность ЛЕНИНГРАД.

Ведущий 1: В ход шло все, чтобы поддержать силы людей. Из дрожжей приготавливали супы, которые засчитывали в счет нормы крупы, полагавшейся по карточке. Тарелка дрожжевого супа часто была единственным блюдом в течение дня. Из мездры шкурок молодых телят, найденных на кожевенных заводах, варили студень. Вкус и запах такого студня был крайне неприятен, но кто обращал на это внимание? Голод подавлял все чувства. На мельницах за многие годы на стенах выросла мучная пыль. Ее собирали, обрабатывали и использовали как примесь к муке. Трясли и выбивали каждый мешок, в котором когда-то была мука. Вытряски и выбойки из мешков просеивали и тут же отправляли в хлебопечение.

Ведущий 2: В ноябре 1941 года начинаются особые трудности в работе одного из хлебозаводов Ленинграда. Надо было сохранить и растянуть надолго имеющийся крохотный запас ржаной муки, которая не поступала в связи с блокадой города. Встал вопрос о заменителях муки. Из примесей надо было применять до 10-15 сортов таких заменителей: жмыхи, соевая мука, ячменная мучка (отход). Одних жмыхов было до 6 сортов. Применяли также обойную пыль и др. Когда иссякли запасы и этих примесей, тогда встал вопрос о применении в качестве заменителей муки... целлюлозы. Работниками лаборатории было проделано много опытных работ по лучшему применению этого заменителя муки. Сначала был освоен хлеб с 10-процентным содержанием целлюлозы, затем 15-ти и 20-процентным. На это толкала жестокая необходимость как можно на больший срок обеспечить Ленинград каким бы то ни было хлебом.

Ведущий 1: Хлебных примесей и суррогатов было найдено, переработано и съедено 18 тыс. тонн, не считая солодовой и овсяной муки. То были, главным образом, ячменные и ржаные отруби, хлопковый жмых, мельничная пыль, проросшее зерно, поднятое со дна Ладожского озера с потопленных барж, рисовая лузга, кукурузные ростки. В общей сложности примеси и суррогаты дали возможность кормить население и войска хлебом в течение 25 дней, а каждый выигранный день в условиях блокады города имел неоценимое значение.

Чтец 6:

Иду в темноте, вдоль воронок,

Прожекторы щупают небо.

Прохожие. Плачет ребенок,

И просит у матери хлеба.

А мать надорвалась от ноши

И вязнет в сугробах и ямах.

– Не плачь, потерпи, мой хороший, –

И что-то бормочет о граммах.

Их лиц я во мраке не вижу,

Подслушала горе вслепую,

Но к сердцу придвинулась ближе

Осада, в которой живу я.

Наталья Крандиевская-Голстая. Из цикла “На улице”

Ведущий 2: Но вот в декабре 1941 – январе 1942 г. начинает действовать ледовая “Дорога жизни” по льду Ладожского озера и в Ленинград поступает полноценная ржаная и пшеничная мука.

К марту 1942 года уже имелась возможность выпекать полноценный ржаной хлеб, даже с применением пшеничной муки. Наступала весна 1942 года. Весна – время, когда издавна крестьянин с заботой о будущем выходил пахать землю и сеять хлеб. Прошедший 1941 год хлеба много не принес: и без того скудные урожаи сгубила война. А страна должны жить, должна есть. И чтобы из рецепта “Супа из ботвы” не вычеркнули “мука – 3 гр.”, чтобы в пайке блокадного хлеба, кроме соломы, жмыха, опилок, было хотя бы одно размолотое пшеничное зернышко, чтобы дети шли в школу, рабочие – к станку, а солдаты – в бой, нужно было кому-то пахать и сеять, косить и молотить. Нужно было кому-то сесть за разбитые, не нужные фронту трактора и вести их по полю. Тащить на себе. На своем животе волочить их по пашне. Но – кому?!

Ведущий 2: В деревнях и селах мужчин не было – они воевали на фронте. Остались только старики, женщины да дети. Пожилым женщинам трактор был страшен. Детям – велик. Но собирались девчата 16-17 лет, которые покрепче, да ехали учиться на трактористок. Зимой пошли учиться, весной уже пахали. А до пахоты еще готовили свой СТЗ (марка трактора Сталинградского тракторного завода). С металлическими колесами на шипах, без кабин, без стартеров и пускателей, эти трактора требовали ухода и силы отнюдь не женской – не машины, а развалины. Но других тракторов не было. Пол-оборота на нем не доедешь, как что-нибудь отвалится, отклепается, отскочит. Но ведь шла война. Надо Родину кормить. Надо от врага защищаться. И девушки немало сил отдавали такой пахоте.

Ведущий 1: Поедут пахать – вдоволь наплачутся. Масло им в глаза, и в рот, и по лицу. Руки по локоть в мозольных и ожоговых пузырях. Умывались керосином, руки оттирали землей... И засыпали в борозде, когда пахали ночью. Темно, ничего не видно. Одна трактористка с фонарем идет, другая на его свет едет. И страшно обеим, потому что волки вокруг стаями собирались. Да и

трудно было понять, то ли трактористка в тракторе заснет от усталости, то ли напарница с фонарем, потеряв силы, упадет под трактор.

Косили напрямую. Хлеб был очень засоренный. Барабан часто так забивался всяким мусором, что не хватало сил очистить его. Да и комбайны были в основном на тракторной тяге. Когда комбайнами молотили, то женщины в прицепы впрягнутся и тащат от клады. Кто за колеса, кто за что – и к комбайну. Тяжек, что говорить, хлеб войны.

Ведущий 1: Мы никогда не сможем почувствовать ужасы тех военных лет. Как все минувшее, чему мы не были ни свидетелями, ни участниками.

Ведущий 2: Мы не вспомним поросшие бурьяном и ржавчиной поля, пресный вкус кирпичной пыли на руинах наших городов и деревень, запах смерти не символический, а реальный. Мы не можем это вспомнить и заново пережить, потому что это было не с нами. 30 миллионов наших людей – мужчин, женщин и детей – унесла война. Им уже не помочь. Они не требуют сострадания и участия.

Ведущий 1: Но мы должны о них помнить!

Ведущий 1: И мы помним о них!

